

С. С. Логиновский

ОТЦЫ ЦЕРКВИ О ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ

S. S. Loginovsky

CHURCH FATHERS ABOUT FORMS OF GOVERNMENT

В статье рассматривается отношение отцов Церкви к различным формам правления. Особо выделяются монархия и демократия. В контексте святоотеческой антропологии критическое отношение к народу и народовластию является закономерным: после грехопадения человек, став ветхим, чаще действует, руководствуясь греховными страстями, по причине чего ему опасно доверять власть. Монархия, в отличие о народовластия, рассматривается святыми отцами как форма власти, установленная самим Богом, если она при этом является добродетельной и способствует спасению людей, уничтожению царствующего над ветхим человеком греха.

Ключевые слова: христианство, патристика, отцы Церкви, формы правления, демократия, монархия, теократия.

The article considers the relation of Church Fathers to different forms of government. Special attention is paid to monarchy and democracy. In the context of patristic anthropology critical view of people and democracy is natural as after the Fall a man having become old acts under the influence of sinful passions, that is why it is dangerous to trust him. Unlike democracy monarchy is considered by the Church fathers to be a form of power, given by God, if it is morally-good and contributes to the redemption of people and demolition of a sin influencing an old man.

Keywords: Christianity, patristics, Church Fathers, forms of government, democracy, monarchy, theocracy.

Вопрос о том, какая форма правления является наилучшей относится к числу самых актуальных вопросов. При этом каждая эпоха решает этот вопрос по-своему, исходя из своего набора финальных ценностей. При этом наибольшее различие обнаруживается между религиозными и нерелигиозными мыслителями. Для того чтобы диалог между ними не перерастал в противостояние необходимо стремиться к пониманию противоположной точки зрения. Позиция нерелигиозных мыслителей сравнительно полно представлена в современных исследованиях, чего нельзя сказать о мыслителях религиозных. Данная статья призвана восполнить указанный пробел, показав логику религиозного восприятия различных форм правления на примере творчества отцов Церкви.

Отцы Церкви (= святы отцы) — это наиболее выдающиеся (с церковной точки зрения) христианские мыслители, чьи творения признаются Церковью в качестве адекватного выражения христианского вероучения на все времена¹. И в настоящее время, отмечает профессор МДА А. И. Сидоров «**труды святых Отцов Церкви представляют собой главные ориентиры православного богословия**»², а важнейшей задачей православной мысли является «**осмысление современного опыта в свете учения отцов**»³. Поэтому обращение к наследию отцов Церкви представляет не только исторический интерес, оно необходимо для понимания современного состояния и тенденций развития религиозной и политической ситуации в России.

Говоря о формах правления, святы отцы выделяют монархию и демократию, причем первую предпочитают второй, хотя отмечают, что и монархия не лишена недостатков. Свт. Иоанн Златоуст подчеркивает, что не случайно Бог, «**устроя, чтобы один повиновался, а другой повелевал, Он устроил не народное правление, но царское**»⁴. Бог как всеблагой и всеведущий выбирает наилучшее для человека, считает святитель. Если он выбрал не народное правление, а монархию, следовательно, народное правление если и не является злом, то, во всяком случае, по благодати уступает монархии. Свт. Григорий Богослов прямо говорит, что «**многочашие есть то же, что и совершенное безначалие, находящееся во взаимной борьбе**»⁵.

Неприятие святыми отцами народного правления обусловлено весьма критичном отношении к народу. «**Говоря о народе, — утверждает свт. Иоанн Златоуст, — ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утёсах**»⁶ для корабля/души плывущего к Богу.

Современному человеку подобная точка зрения может показаться как минимум странной. В настоящее время народ воспринимается как высшая ценность, единственный источник легитимности, от имени которого и ради которого должно происходить любое деяние власти. К народу апеллируют представители самых разных идеологий. Можно без преувеличения сказать, что народ стал идолом современной социально-политической жизни, которому искренне или лицемерно поклоняются все.

Однако в контексте святоотеческой антропологии критическое отношение к народу и народному правлению является закономерным.

В самом деле, согласно христианскому вероучению, хотя после грехопадения человек, став ветхим, не полностью утратит изначальное добро, всё же он чаще действует, руководствуясь греховными страстями чревоугодия, сластолюбия, гнева, тщеславия и т. д. Ветхий человек, отдалившись от Бога, утвердился в абсурдной (с точки зрения святых отцов) мысли о своей самодостаточности. Он считает себя самым разумным, не нуждающимся в помощи извне. В то же время окружающие должны прислушиваться к его мнению. Но вместо этого, учитывая, что окружающие — это такие же ветхие люди, рабствующие страстям, и так же считающие себя ничуть не хуже других, практически неизбежно возникает конфликт. Неслучайно, замечает свт. Иоанн Златоуст, там «где равенство, там не может быть мира, народное ли то будет управление, или все будут повелевать, — необходимо, чтобы было одно начальство. Так всегда бывает с существами телесными; если бы люди были духовные, тогда был бы мир. Было некогда пять тысяч душ, и никто ничего из имени своего не называл своим, но всем делились друг с другом (Деян. 4, 32). Вот — знак мудрости»⁷, недоступной ветхому человеку, но лишь *новой твари во Христе*. Таким образом, с точки зрения святых отцов, хотя сама по себе демократия и не есть зло, однако для ветхих людей в силу присущей им особенности (рабство греху) она не подходит. Демократия допустима лишь для совершенных существ, однако они, в силу своего совершенства, вообще не нуждаются во внешней регламентации своей жизни (в том числе — в политической власти), поскольку не только «имеют закон жизни, написанный у себя в сердцах», но и неукоснительно самостоятельно ему следуют, всецело устремляясь к Богу.

Конечно, греховные особенности ветхого человека у различных людей выражены в различной степени, однако они, как подчёркивают святые отцы, есть у всех. Ориентироваться на таких людей (образующих народ) не только опасно и преступно, но зачастую и невозможно. В самом деле, замечает Златоуст, «сколько людей в народе, столько и для честолюбца [то есть властителя — С. Л.] уз, столько владык, и что хуже всего, каждый из них имеет своё особое мнение и всякий даёт о служащем приговор, какой случится, ничего не разбирая, а что вздумает один или двое, то все утверждают»⁸. Неразумность, случайность, характерная для «народных мнений» не случайна, ибо ветхие люди имеют страстную природу, а любая греховная страсть неразумна и противоречит не только разуму, но и самой себе.

При народовластии властитель становится особенно (по сравнению с другими формами правления) зависимым от настроений народа, которые зачастую далеки от данных Богом заповедей. Можно даже сказать, что при демократии властитель становится рабом, причём не одного человека, но тысяч и миллионов. «Поистине, — восклицает Златоуст, — ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливими,

подлыми, льстецами и лицемерами»⁹. Более того, властители, ориентирующиеся на народное мнение, зачастую становятся «законопреступными», ибо ради достижения этой славы они готовы на всё, в конечном итоге вреда и себе и народу, готовя себе вечную погибель в *геенне огненной*.

После сказанного неудивительно, что святые отцы против того, чтобы делать народ высшей инстанцией, безусловной ценностью. Высшей инстанцией, безусловной ценностью для христианина является исключительно Бог. Только соответствие и или не соответствие Божьим заповедям является единственным критерием правильности или не-правильности того или иного деяния или мысли. Именно перед Богом на Страшном Суде будет отчитываться человек (в том числе и властитель), о чём он должен помнить каждую секунду своей жизни. «Народ же — не Бог, которому он [в первую очередь — властитель, а потом и все остальные люди — С. Л.] должен дать отчет»¹⁰, поэтому прислушиваться к его мнению либо опасно, либо излишне. Опасно, если это мнение не соответствует воле Божьей. Излишне, если соответствует, поскольку воля Божья известна и без народа.

Сказанное не означает, что властитель не должен заботиться о народе. Но с точки зрения отцов Церкви «забота о народе» и «выполнение желаний народа» это не одно и то же. Подлинная забота о народе со стороны властителя заключается в создании условий, для того чтобы люди могли идти по пути заповедей Божьих, идти к Богу. Прежде всего, это предполагает ограничение проявлений греха. Нередко такие действия непопулярны в народе, ибо ветхие люди чаще предпочитают грех (именно поэтому «забота о народе» и «выполнение желаний народа» это чаще всего не одно и то же). И когда перед властителем встаёт выбор — дать свободу (или даже государственную помощь) греху, став, тем самым, популярным в народе или бороться с грехом рискуя стать непопулярным — благочестивый властитель, заботящийся о спасении себя и своих подданных, должен выбирать борьбу с грехом.

Монархия, в отличие от народовластия, рассматривается святыми отцами как форма правления, установленная самим Богом. Однако святоотеческое понимание монархии имеет ряд особенностей, о которых нередко забывают.

Во-первых, в отличие от языческих религий христианство не допускает обожествление монарха. Власть монарха происходит от Бога, но сам монарх не есть Бог¹¹.

Монарх не только не есть Бог, но не есть даже сын Бога в языческом смысле этого словосочетания. Что касается христианского смысла, то хотя монарх и является в этом смысле сыном Божьим (если живёт добродетельно), но не более чем и все остальные люди, включая рабов. «Внешние законы, — подчёркивает свт. Иоанн Златоуст, — как законы человеческие, допускают ещё различие по происхождению, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же»¹². Более того, раб даже может быть ближе к Богу, если он более добродетелен, чем монарх.

Если же монарх, сознательно утверждает в грехе, то он вовсе перестаёт быть сыном Божиим, хотя не перестаёт быть монархом.

Во-вторых, с точки зрения святых отцов монарх и монархия как блага относительные только тогда могут претендовать на статус блага, когда служат делу спасения. Если же они этому не служат, то перестают быть благом, становятся злом. Как пишет преп. Исидор Пелусиот, хотя **«самое дело, разумею власть, то есть начальство и власть царская установлены Богом... Но если какой злодей захватил сию власть, то не утверждаем, что о поставлен Богом, но говорим, что попущено ему или излевать сие лукавство, как Фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна и жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил Иудеев»**¹³, что самого грешного монарха, конечно, не оправдывает, ибо хотя и *надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Из этого следует, что не любая монархия есть благо. Как замечает протоиерей Валентин Асмус, **«можно весьма упрощённо сказать что в Священном Писании [и у следующих ему отцов Церкви — С. Л.] понятие Царя распадается на две противоположности: законного Царя от Бога (его можно именовать римским именем Кесаря) и узурпатора — тирана — «Фараона»**¹⁴.

Это очень важно, потому что нередко можно встретить мнение, что с христианской точки зрения монархия есть безусловное благо. Однако в действительности с точки зрения святых отцов, безусловным Благом является лишь Бог. Что касается благодати (относительной) политической власти, то она характерна для власти как таковой. Что касается форм власти, то они могут быть лишь менее или более пригодны для организации социального бытия на христианских началах. И тот факт, что монархия является более пригодной формой власти, ещё не является основанием для её обожествления, как это происходит, например, у современных царькобожников¹⁵. Тем более с точки зрения святых отцов недопустимо говорить о монархии как о социальном идеале христианства. Социальный идеал святых отцов — Церковь, а не монархия или какая-либо другая форма правления.

Понимая это, некоторые авторы пытаются обосновать особый статус императора в Церкви, утверждая даже, как А. М. Величко, что можно и нужно говорить о том, что в Византии согласно православной модели власти **«верховная политическая власть в лице императора приобрела сакральные черты священства, не утратив при этом ординарных функций главы государства»**¹⁶. Более того, А. М. Величко настаивает на **«признании императора земным главой Церкви, лицом, обладающим высшими управительными полномочиями во Вселенской Церкви»**¹⁷. Сам «титул» «земной глава Церкви» указывает на непонимание автором православного вероучения: получается, что Христос находится где-то там «на небе», предоставив земные дела своим «заместителям». Но Сам Христос, как учат отцы Церкви, опровергает такую мысль, говоря: *и се, Я с вами во все дни до скончания*

века (Мф. 28, 20). В Новом завете и у отцов Церкви нет никакого «земного главы Церкви», есть только её единственный и вечный глава — Христос. Даже епископ Рима или Константинополя, не говоря уже о светском властителе, не может претендовать на титул «земного главы Церкви».

Тем не менее, А. М. Величко пытается обосновать свою концепцию, ссылкой на предание. Он указывает на жившего в XII веке антиохийского патриарха Феодора IV Вальсомона, который учил, что **«императоры и патриархи должны быть уважаемы как учителя Церкви ради их достоинства, которое они получили через помазание миром. Отсюда происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно иереям, приносить Богу курение. В этом их слава, что, подобно солнцу, блеском своего православия он просвещают мир с одного его конца до другого. Мощь и деятельность императора касаются тела и души (человека), тогда как мощь и деятельность патриарха касаются только души»**¹⁸.

Однако свт. Иоанн Златоуст — не просто святой отец, но один из трёх Вселенских учителей (в отличие от Вальсамона, который отцом Церкви не является) — учит иначе. В своих известных «Словах о священстве», святитель говорит, что **«кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершается эти священнодействия [Евхаристии — С. Л.] и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле, поставлены распоряжаться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе** (Мф. 18, 18). **Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе... Отец весь суд отдал Сыну** (Ин. 5, 22); **а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам»**¹⁹, а не светским начальникам, даже таким как царь. **«Цари стран и народов имеют пределы власти своей, — говорит о том же свт. Кирилл Иерусалимский, — одна Святая Вселенская Церковь во всём мире имеет беспредельную силу»**²⁰.

Вообще же, святые отцы подчёркивают, что сама по себе никакая форма правления сама по себе не может сделать человека добродетельным. Как замечает свт. Иоанн Златоуст **«иудеи с переменою правления не делались лучшими, но и во времена аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели»**²¹. Без победы над грехом (победы, которую сама по себе политическая власть, какой бы она ни была, достичь не может) любая власть неизбежно обречена на искажение и служение (в лице своих носителей — ветхих людей) не

только благу, но и злу. С точки зрения отцов подлинная проблема ветхого общества заключается не столько в форме правления, сколько в царствующем над ветхим человеком грехе.

Кроме того, как справедливо замечает Л. А. Тихомиров, и монархия, и аристократия, и демократия **«сосуществуют постоянно рядом и даже никогда не уничтожаются в недрах общества, какой бы из них ни приобрёл в данном обществе или в данную эпоху значения Власть собственно Верховной»**²². Проигравшие типы власти лишь переходят на положение служебных, ограничиваясь определённой сферой социальной жизни.

По мнению отцов Церкви оптимальным вариантом управления является отсутствие любой политической власти (как обусловленной грехом) когда люди, победив грех, став *новой тварью во Христе*, сами всецело устремляются к Богу, находясь под Его непосредственным в буквальном смысле *теократическим* управлением, как прародители до грехопадения. И хотя одномоментное достижение этой цели не возможно (что делает необходимым существование государства и политической власти), однако христианин всегда должен помнить, что именно это — идеал, к которому необходимо стремиться, и который осуществим не только в эсхатологической перспективе, что доказывает существование монашества. Что касается форм правления, то для святых отцов главное, чтобы власть служила создавшему её Богу, то есть была в меру своих возможностей приближением к идеалу — к теократии, власти Бога.

В настоящее время теократию чаще всего определяют как одну из форм власти, наряду с монархией, аристократией и демократией. Однако, как справедливо замечает Л. А. Тихомиров, **«нельзя не видеть, что «теократия» всегда бывает только либо демократией, либо Монархией, либо чаще всего аристократией. Они отличаются от других монархий или аристократий не политически, а только содержанием своего идеократического элемента... Стало быть, теократия сама по себе никакой особой политической формы власти не составляет»**²³.

Тем не менее, теократию можно квалифицировать если не как форму правления, то как тип власти. Для этого необходимо избавиться от традиционного понимания, сводящего теократию к форме правления, при которой глава духовенства (или группа клириков) является главой государства, совмещая в одном лице духовную светскую власть. Подобный подход является слишком узким и формальным. В самом деле, очевидно, что правление представителей духовенства отличается от других видов правления не количеством управляющих (один, меньшинство, большинство) и не методами. Остается предположить, что выделение правления духовенства в особый вид связано с их так сказать профессиональной сферой — религией. Действительно, большинство авторов указывают (или неявно предполагают) как на отличительную особенность теократии на особое положение религии, подчиняющей и пронизывающей все сферы жизни общества. Представляется, что именно это — построение всей

социальной жизни в соответствии с религиозными принципами — и является сущностью теократии.

Но именно это и не позволяет сводить теократию к форме правления, при которой политическая власть принадлежит духовенству, потому что правители-миряне так же как и духовенство могут строить социальную жизнь в соответствии с религиозными принципами. Для этого нет необходимости обожествлять правителя, хотя в языческих монархиях это весьма распространённое явление. Для квалификации правления как теократического необходимо и достаточно, чтобы властитель осуществлял свою власть в соответствии с религиозными принципами.

Конечно, с точки зрения святых отцов вообще без участия духовенства организация социальной жизни на религиозных началах невозможна. Монарх является мирянином. Этот факт не позволяет ему и его администрации, состоящей из таких же, как он мирян, совершать важнейшие с точки зрения религии таинства, необходимых для организации социальной жизни на основе религиозных принципов, приводящих к спасению. Однако, с другой стороны, для совершения этих действий нет необходимости в непосредственном обладании духовенством политической властью. Достаточно чтобы светская власть создавала все необходимые условия для осуществления тех религиозных обрядов, которые сама она не в силах осуществить.

Сходного мнения придерживается Ж. Т. Тощенко, который в своей монографии «Теократия: фантом или реальность?» пишет, что теократия **«представляет собой форму государственного управления, при которой политическая власть осуществляется с позиций религиозной регламентации государственной и общественной жизни»**²⁴. Очевидно, что такая регламентация не предполагает обязательного нахождения политической власти в руках духовенства. Вместе с тем, Ж. Т. Тощенко не до конца последователен в своих рассуждениях. Несмотря на приведенное выше определение, автор, переходя к рассмотрению видов теократии, отмечает, что наиболее последовательным и чистым («абсолютным», используя его терминологию) видом теократии является непосредственное правление духовенства. Таким образом, Ж. Т. Тощенко по сути возвращается к традиционной точке зрения, пусть и выражает её не так прямолинейно, как другие авторы. Если уж говорить об идеальной теократии с точки зрения отцов Церкви — то это будет непосредственное правление Бога, как было у Адама и Евы до грехопадения и как будет в Царствии Небесном. Но эта теократия уже не является политической властью и не относится к ветхому обществу.

Возвращаясь к ветхому обществу нужно отметить, что, по мнению святых отцов, наличие светского правителя, а не представителя духовенства во главе государства даже желательно, поскольку непосредственное обладание властью часто ставит перед духовенством ряд новых проблем, главнейшая из которых — проблема насилия. В самом деле, политическая власть неизбежно предполагает насилие, вплоть до физического уничтожения. Непосредственное участие в этом духовенства, что

практически неизбежно в случае обладания им политической властью, с точки зрения святых отцов недопустимо. Даже христиане-миряне, причём защищавшие жизни других в оборонительных войнах, отлучались на время от причастия. И хотя как верно замечает прот. Владислав Цыпин, в подлинной теократии власть основана на авторитете, а не на силе, нельзя не признать, что для ветхого человека такая теократия без насилия — это практически недостижимый идеал.

Таким образом, форма правления, при которой политическая власть принадлежит духовенству является лишь одним из видов теократии, причем этот вид не имеет никаких преимуществ в сравнении с другими формами теократии, в которых непосредственная власть принадлежит мирянам. Даже этимологически «теократия» означает власть Бога, а не власть священнослужителей. Последняя по-гречески будет звучать как «иерократия». Именно этот термин лучше всего оставить за формой правления, при которой власть непосредственно принадлежит духовенству. А термин «теократия» необходимо оставить за одной из двух возможных типов организации бытия.

В самом деле, если не только непосредственное правление духовенства, но и любое правление, стремящееся организовать социальную жизнь на основе религиозных принципов необходимо квалифицировать как теократию, то можно говорить о новой классификации политической власти. Эта классификация основана не на формальном признаке «количество лиц, обладающих властью» как у Аристотеля, а на главном мировоззренческом вопросе «позиция по отношению к религии», или, в терминах марксистской философии: «что первично, бытие или сознание (включая «Сознание» Бога)». Эта классификация в самом общем виде состоит из двух видов. В первый вид входят формы правления, стремящиеся организовать социальную жизнь на основе религиозных принципов. Его можно обозначить термином «теократия». Второй вид составляю формы правления, организующие социальную жизнь без учета религиозных принципов. Найти название для этого вида сложнее, но это — техническая проблема. Возможен вариант «не-теократия», так как данная классификация есть дихотомия, хотя он не очень благозвучен.

Представляется, что данная классификация имеет серьезные преимущества перед традиционной классификацией Аристотеля. Последняя основана на чисто формальном и мало что говорящем количественном признаке. Нельзя сказать, что она не имеет никакого значения. Во времена Аристотеля, когда не только не существовало ни одного общества, не основанного на религиозных принципах, но людям было трудно даже представить себе такое общество, классификация форм правления по количеству людей, обладающих властью, была, наверное, единственно возможной. В настоящее же время, классификация Аристотеля хотя и не потеряла полностью своего значения, однако её возможности весьма ограничены, она не позволяет уловить существенные моменты социально-политической действительности. В самом деле, античная демо-

кратия, основанная на религиозных принципах, ближе к основанной на религиозных же принципах монархии, нежели к современной безрелигиозной демократии. Например, любой верующий монархист воспримет казнь Сократа так же, как жители демократических Афин — как абсолютно логичное и справедливое деяние (при условии их веры в истинность выдвинутых против него обвинений). Даже сторонники Сократа лишь отрицали его вину, но не отрицали, что инкриминируемые ему преступления являются преступлениями и подлежат столь суровой каре. Современный же демократ будет возмущен прежде всего самой формулировкой обвинения (проповедь атеизма), а не тем, что Сократ был ложно обвинён.

Предложенная классификация максимально точно отражает суть святоотеческого подхода к власти, обществу и жизни вообще, ибо с христианской точки зрения первостепенную важность имеет не столько форма правления, сколько направленность власти — к Богу или от (против) Него. Как было сказано ещё на заре христианства, «два есть пути, один — жизни и другой — смерти, и великое различие между этими двумя путями»²⁵.

Таким образом, говоря о формах правления, святые отцы выделяют монархию и демократию, причем первую предпочитают второй. В контексте святоотеческой антропологии критическое отношение к народу и народовластию является закономерным: после грехопадения человек, став ветхим, чаще действует, руководствуясь греховными страстями, по причине чего ему опасно доверять власть. Монархия, в отличие от народовластия, рассматривается святыми отцами как форма власти, установленная самим Богом, однако и она есть не безусловное, а относительное благо и только тогда, когда способствует спасению людей.

Вообще же, святые отцы подчёркивают, что сама по себе никакая форма правления не может сделать более добродетельной. Сказанное не ставит знак равенства между различными формами правления, а показывает, что с точки зрения отцов подлинная проблема ветхого общества заключается не столько в форме правления, сколько в царствующем над ветхим человеком грехе. Поэтому именно с грехом и необходимо бороться, стремясь к идеалу — к теократии, к тому эсхатологическому совершенству, при котором всё ветхое исчезнет и *Бог будет всё во всём*.

Примечания

1. См. подр.: Сидоров А. И. Курс патрологии: возникновение церковной письменности. — М.: Русские огни, 1996; Столяров А. А. Патрология и патристика. — М.: Канон+, 2001.

2. Сидоров А. И. Становление древнецерковного богословия и его характерные черты (некоторые размышления) // Альфа и Омега. — 2009. — № 1. — С. 163.

3. Илларион (Алфеев), еп. Православие. — Т. 1. История, каноническое устройство и вероучение Православной Церкви. — М.: Изда-во Сретенского монастыря, 2008. — С. 361.

4. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на первое послание к Коринфянам // Полное собрание творений: в 12 т. — Т. 10. — Кн. 1. — М., 2004. С. 345—346.

5. Григорий Богослов, свт. Песнопения таинственные // Григорий Богослов, свт. Творения: в 2 т. — Т. 2. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. — С. 24.
6. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея евангелиста: в 2-х т. — М., 1993. — С. 434.
7. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Ефесянам // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений: в 12 т. — Т. 11. — Кн. 1. — М., 2004. — С. 172.
8. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея евангелиста. — С. 435.
9. Там же. — С. 434.
10. Там же.
11. См., напр.: Астапова О. Христология Послания к Евреям в свете представлений о священной царственности на древнем Ближнем Востоке (Египет и Месопотамия) // Альфа и Омега. — 2009. — № 1 (54).
12. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Ефесянам. — С. 194.
13. Исидор Пелусиот, преп. Письма. — Т. 2 — М.: Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2001. — С. 9.
14. Асмус В., протоиерей. Происхождение царской власти (К истолкованию 1 Царств 8) // Regnum Aeternum. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme. 1996. — С. 41—42.
15. См. об этом: Испытания наших дней. В защиту церковного единства. — М.: Даниловский благовестник, 2003. — С. 189—232; Гаврюшин Н. К. Церковь и монархическое сектанство // Богословский вестник 1999 (2000). Вып. 3; Кнорре Б. «Опричный мистицизм» в религиозных практиках «царебожничества» // Религиозные практики в современной России. — М.: Новое издательство, 2006.
16. Величко А. М. Политико-правовые очерки по истории Византийской империи. — М.: ФондИВ, 2008. — С. 25.
17. Там же. — С. 23.
18. Цит. по: Величко А. М. Указ. соч. — С. 25.
19. Иоанн Златоуст, свт. О священстве // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений: в 12 т. — Т. 1. — Кн. 2. — М., 1991. — С. 426.
20. Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. — М.: Синодальная библиотека, 1991. — С. 309.
21. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея евангелиста. — С. 35.
22. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М.: Айрис-пресс, 2006. — С. 58.
23. Там же. — С. 54.
24. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? — М.: Academia, 2007. — С. 91—92.
25. Учение двенадцати апостолов // Писания мужей апостольских. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. — С. 41.

Поступила в редакцию 11 февраля 2012 г.

ЛОГИНОВСКИЙ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и связей с общественностью, Челябинский государственный университет. E-mail: 246abcd@mail.ru

LOGINOVSKIY Sergey Sergeevich is a Candidate of Science (Philosophy), an associate professor of the Department of Political Science and Public Relations of Chelyabinsk State University. E-mail: 246abc@mail.ru